

Андрей Белянин

Трилогия
«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«СВИРЕПЫЙ ЛАНДГРАФ»
«ВЕК СВЯТОГО СКИМИНОКА»

Дилогия
«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«СЕСТРЁНКА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ»

«ДЖЕК СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ»
«РЫЖИЙ И ПОЛОСАТЫЙ»
«РЫЖИЙ РЫЦАРЬ»
«ВКУС ВАМПИРА»
«ОХОТА НА ГУСАРА»
«КАЗАК В РАЮ»
«ДАРГХ»
«КАЗАК В АДУ»
«ДАРГХ В ЭЛЬФЯТНИКЕ»
«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»
«ДАРГХ НА ТРОНЕ»
«КОЛДУН НА ЗАВТРАК»
«ДЕМОН ПО ВЫЗОВУ»

С Христо Поштаковым (перевод и редакция)
«МЕЧ, МАГИЯ И ЧЕЛЮСТИ»
«ГАСИ АМЕРИКУ!»

С Карен Махони (перевод и редакция)
«ТЕНЬ КОТА-ВАМПИРА»

Сериал
«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ»
«ОТСТРЕЛ НЕВЕСТ»
«ДЕЛО ТРЕЗВЫХ СКОМОРОХОВ»
«ОПЕРГРУППА В ДЕРЕВНЕ»
«ЖЕНИТЬСЯ И ОБЕЗВРЕДИТЬ»

Цикл
«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«ПОСРАМИТЕЛЬ ШАЙТАНА»

«ПАСТУХ МЕДВЕДЕЙ»
Стихи

«ЛАНА»

В соавторстве с Галиной Черной
«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБОРОТЕНЬ»
«КАНИКУЛЫ ОБОРОТНЕЙ»
«ХРОНИКИ ОБОРОТНЕЙ»
«ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБОРОТНЕЙ»
«ИСТОРИИ ОБОРОТНЕЙ»
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБОРОТНЕЙ»
«ЛАЙНЕР ВАМПИРОВ»

С Пламеном Митревым (перевод и редакция)
«ВЕСЛОМ ПО ФЬОРДУ!»

Андрей Белянин и его друзья
«КАЗАЧЬИ СКАЗКИ»
«ДНЕВНИК КОТА С ЛИМОНАДНЫМ ИМЕНЕМ»
«ЧЕГО ХОТЯТ ДЕМОНЫ»
«АНГЕЛ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ»
«НЕ НАДО, АЗРИЭЛЛА!»

Андрей Белянин

ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ

Роман

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Художник
И. Воронин

Белянин А. О.
Б43 Летучий корабль: Фантастический роман.—М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011.—325 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-0028-7

Никита Ивашов—младший лейтенант милиции — по-прежнему служит сыскным воеводой при царе Горохе.

И вот новое дело, расследуя которое он не должен уронить авторитет классного опера. Итак, у царя Гороха из секретного сундука похищены чертежи летучего корабля. Все ниточки следствия рвутся умелой и жестокой рукой. Бояре злорадствуют и формируют альтернативные комиссии по розыску и поимке. Никите и его сотрудникам—эксперту Бабе-яге и доброму, но дубоватому помощнику Митьке — предстоит провести трудные и опасные розыскные мероприятия, чтобы найти похитителей чертежей и защитить честь милицейского мундира.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0028-7

© Белянин А. О., 1999
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2001

...Петушинный крик раздался как-то осторожно и приглушенно. Я уже полчаса сидел у подоконника в трусах и майке, держа под рукой два вязаных тапочка на манер австралийских бумерангов. И он, гад, знал, что я сижу в засаде... Поэтому на тын взлететь опасался, а из-за тына кукареканье не получалось таким уж душевно-забористым. Наконец он вытянул шею — ненавистная башка со свисающим набок гребешком показалась в поле моего зрения.

— Ку-ка-а-уп! — Тапок просвистел в миллиметре от распахнутого клюва.

Пернатый злодей вновь нырнул в укрытие, явно готовя повторную диверсию. Выбора нет — или я его выдрессирую, или он меня своими побудками доведет до членовредительства. За забором раздалось неуверенное кудахтанье и какая-то возня. Я выпрямился в полный рост, размахнулся от плеча и... Когда

из-за тына поднялся доверчиво улыбающийся Митька с петухом в руках — метко брошенный тапок угодил ему прямо в лоб! Наглый петух мгновенно вырвался на свободу и, вспорхнув на забор, обложил своим кукареканьем нас обоих как хотел...

Утро началось несахарно...

— Никитушка, ты, что ли, встал уже, сокол ясный?

Это Яга, моя домохозяйка, одновременно и кухарка, и прачка, и уборщица, и штатный специалист, — эксперт по части криминалистики. Бабуля — бесценна, она старейший и уважаемый сотрудник нашего отделения, мы на нее Богу молимся. Снизу из-за забора вновь высунулся Митька, приветственно помахивая мне двумя подобранными тапками. Дмитрий Лобов, двухаршинный улыбчивый паренек, приставленный к отделению из соображений воспитательного плана. У себя в Подберезовке он оказался абсолютно неприспособлен к размеренному крестьянскому труду по причине немереной силы, недалекого ума и неиссякаемого творческого энтузиазма. Лично я его раз десять увольнял... Яга заступалась, лоботряса брали обратно с очередным испытательным сроком, в конце концов он у нас так и прижился. Ну а я, младший лейтенант московской милиции Никита Ивашов, как вы понимаете, осуществляю в родном Лукошкине функции начальника отделения. Почему родном? Знаете, я здесь уже полгода и первое время только

и думал, как вернуться обратно в свой мир. Не то чтобы здесь так уж плохо... Милицейская служба востребована во все времена, даже при царе Горохе, тем более что царь у нас деятельный и работать при нем интересно. Но домой все же тянуло страшно. Потом одно дело, второе, третье, кражи мелкие, профилактические операции, общественно-разъяснительная деятельность, как-то отвлекся... А уж когда ухнуло памятное дело о перстне с хризопразом — тогда и стало ясно, где моя настоящая родина. Не в далекой, затерянной в будущем коммерческой Москве конца двадцатого столетия, а в небольшом городке Лукошкино, в древней полусказочной Руси, где простому народу без защиты родной милиции ну никак...

— Доброе утро, бабушка! — К завтраку я обычно спускался вниз в горницу при полном параде, только что без фуражки и кителя. В праздничных кафтанах того времени я и чувствовал себя неуютно и выглядел как Иван — кулацкий сын.

— Доброе утро, Никитушка,— приветливо улыбнулась Яга. Выпирающие желтые клыки делали ее оскал особенно запоминающимся.— А я уж сама наверх идти хотела, тебя будить. Давай-ка к столу, пока кашка гречневая на молоке да меда остыть не успела.

— Уже сел, а вы что ж?

— Да я-то старуха, я запахами из печи сыта бываю... А ты садись — кушай, моего

слова слушай. Буду говорить речи важные, неказенные, небумажные. Только ты ешь-наедайся, а моего совета не чурайся...

— Бабуля, да вы ж тут прямо стихами и чешете! — искренне удивился я. — У нас что, сегодня утренник народного фольклора?

— Не сбивай, Никита! О серьезном деле с тобой говорю, потому и слова такие. Не всякому зверю берлога — кому и нора, не всякой птице болото — кому и гора. Так и не всякому молодцу — холостяцтво к лицу.

— Ум... н... укс! — Я едва не поперхнулся горячей кашей. — Бабуля, предупреждать же надо!

— А поделом тебе, ешь да не оговаривайся! — невозмутимо продолжала Яга, уставясь на меня самым строгим взглядом. — Сказано ведь, ровно голубю — без голубицы, добру коню — без кобылицы, так и храброму молодцу без души-девицы не житье — срам один!

— Между прочим, в законодательстве некоторых стран подобные провокационные разговоры могут классифицироваться как давление на сотрудника правоохранительных органов.

— Никитушка, милый, да не давлю я на тебя, не давлю! А только люди говорят всякое... Дескать, что-то, видать, не так у нашего участкового — в церковь не ходит, на красных девок не заглядывается, с дружками не бражничает, по праздникам забавами молодецкими не тешится.

— Знаю я их забавы — кулачные бои стенка на стенку да за сапогами на столб лазить! Бабуль, ну вы представляете, чтоб работник милиции ради забавы молодецкой по воскресеньям народу носы квасил?! И в церковь я хожу! Два раза ходил уже... Беседовал с отцом Кондратом по поводу пьянок в его церковном хоре. А насчет бражничанья... так нас Горох на той неделе, помните, как накачал? Я ж верхом на Митьке до отделения добирался, благо, он как поддаст — милицейскую сирену очень уж старательно изображает. Чем я им еще не угодил?

— Про девок красных забыл...

— Это сестры Малаховы с соседней улицы? Эти — красные, слов нет! Каждый вечер флагируют строем под окнами отделения, семечки плюют на метр против ветра, а у самих лица такие кра-а-асные...

— Так то румянец девичий, от смущения, — доходчиво пояснила Яга, но я был непреклонен:

— Бабуля, давайте прекратим прения и дружно перейдем к чаю. Вопросом повального поиска Василис Прекрасных торжественно обещаю заняться после Нового года!

— Дак ить осень на носу, самое бы время свадебку... — тихо повздыхала моя домохозяйка, но взялась за самовар. К концу третьей чашки в дверь деликатно бухнули пудовым кулаком.

— Батюшка сыскной воевода, гонцы к вам царевы с делом спешным! — деловым тоном

профессионального секретаря проорал из сестры верный Митька.

— Зови.— Важно кивнув Бабе Яге, я встал с лавки поприветствовать двух стрельцов и молоденького дьяка из думского приказа. Парнишке едва ли исполнилось восемнадцать, но он изо всех сил старался выглядеть посолоннее.

— Поклон тебе, сыскной воевода!

— И вам здрастье. Что там у государя за проблемы?

— Дело у царя к тебе спешное да неотложное...

— Ага, у нас все дела спешные...— Идти куда-либо сразу после плотного завтрака представлялось сущим самоистязанием.— Государь небось опять очередной милашке золотые серьги подарил, а какой — не помнит, просит отыскать, да?

Стрельцы ухмыльнулись в усы, а юный дьяк так покраснел, что я, сжалившись, выдвинул более пристойную версию:

— Любимого коня цыгане свистнули? Бояре в думе из-за бюджета передрались? Ключница пропала, к подвалам не подойдешь, а у государя меда сорокаградусного для излечения не хватило? Тоже нет?! Господи, да что же там у вас?.. Неужели дьяк Филимон свои мемуары за границей большим тиражом выпустил, гад?!

— Не... не это... — сбивчиво залепетал несчастный.— Царь-батюшка наш прибыть во

дворец просит немедля. Дело у него тайное, военное... И спешное-е-е...

— А милиция-то здесь при чем?

— Никитушка,— тихо вмешалась Яга,— уж ты не мучай мальчонку, сделай милость— сходи. Ты ж Гороха знаешь: сей же час не придешь — он посыльных под кнут отправит. В отделении на утро вроде и дел-то нет, а ежели что, я уж тут присмотрю. Сходи, уважь старуху, не пожалей сапог. А хошь, я Митьке крикну, чтоб кобылу запрягал?

Я пожал плечами: в конце концов, почему бы и нет? К царю идти в любом случае придется. После разгрома Черной Мессы Горох оценил мои дипломатические способности и теперь частенько советовался по разным вопросам государственной политики. Не знаю уж, чего у него там «спешного-военного», но прокатиться в телеге по ветерку в принципе не так уж проблемно.

— Ладно, ребята. Возвращайтесь к началству с чувством выполненного долга. Я буду следом, минут через пятнадцать. Оркестр к подъезду можете не подавать.

Кто бы знал, к каким серьезным последствиям приведет меня это дело... А начиналось все, как видите, буднично...

Конец августа. Еще очень тепло, и воздух напоен ароматами Яблочного Спаса. Крестьяне свозят в столицу урожай, уродились богатые хлеба, жизнь кажется щедрой и сытной, а думать о росте преступности нет ни малей-

шего желания. Хотя и надо бы... По некоторым сведениям, в Лукошкине сейчас участились случаи мошенничества и тайного грабежа. Ходят слухи о карточных притонах, и неоднократно в отделение зааживали смущенные мужики с просьбой вернуть пропавшие деньги. Пили, дескать, грешным делом, да не вспомнят, где и с кем. В себя приходили на каком-нибудь пустыре, в бурьяне, естественно, без гроша. А некоторые так вообще в одних подштанниках... Ругаешь их, дураков, но и воров тоже ловить надо. Не нравится мне эта мафия шоу-бизнеса местного разлива, пора браться за них всерьез...

Митька, сидя на передке, что-то бубнил себе под нос. То ли ругался, то ли азбуку по-филимоновски повторял, что, впрочем, почти одно и то же... Сам был с утра необыкновенно задумчив и молчалив, наверняка зарабатывал в голове план очередной облавы на тетку Матрену. У каждого из нас есть свой пунктик. У Митьки это вечная борьба за качество и количество кислой капусты. Он ее ведрами может есть, без перерыва, с таким номером впору в цирке выступать, куда слабонервных не пускают. А насчет частушечных намеков Бабы Яги... я же всерьез и не спорю. Жениться человеку, разумеется, надо, и у меня даже были определенные подвижки по этому поводу. Ну, приглянулась слегка одна фройляйн с немецкого подворья. Я там поинтересовался деликатно у посла — фигу, девица

еще с пятилетнего возраста помолвлена с сыном кайзеровского портного. Что-либо менять поздно, у них, у католиков, с этим делом строго, да и сама девушка, оказывается, порусски — ни бельмеса. Почти как я в немецком... Вот такие дела. Ладно, женитьба — не волк, поймаешь — не укусит. В Лукошкине тоже красавицы одна к одной. Ну, хоть вон вроде той смуглой девчонки у кожевенной лавки. Я невольно повернул голову и засмотрелся... Девушка действительно выгодно отличалась от статных городских барышень. Явно деревенская, и по костюму видно, и держится не очень уверенно. Коса черная как смоль, а кожа загорелая, словно после солярия. Глаза большущие, то ли карие, то ли темно-синие, отсюда не видать. Ростом выше среднего и сложена так, что даже под мешковатым сарафаном фигурка чувствуется... Словно бы заметив мой взгляд, девушка обернулась, зыркнула на меня своими выразительными глазницами и скрылась в лавке. Ну вот... сами видите, невест полно, не пропаду я здесь, не переживайте.

На аудиенцию к Гороху я пошел один. Митька рвался вслед, ему тоже любопытно, но пришлось остаться при телеге внизу. Дьяк Филимон словно ждал меня в засаде, набросившись с приветствием еще с первого этажа:

— А и доброго здоровьичка, Никита Иванович! И вам, и бабуленьке Яге, и Митеньке вашему, и всей честной милиции! Давненько

к нам не захаживали... Я и беспокоиться начал, уж не заболел ли, часом, наш сыскной воевода? Даже свечку хотел в храме поставить...

— За упокой?

— Во здравие! Зачем же так страшно шутишь, участковый... — широко разулыбался скандальный дьяк. Когда у него во все лицо такая похабная ухмылочка — жди беды! Не мое наблюдение — народная примета. — А я вот грамотку подготовил тебе, уж рассмотрю по прибытии.

— Очередной донос? — В последнее время дьяк всерьез вообразил себя единственным борцом за справедливость и закладывал всех подряд.

— Донос и есть! А как же без доносу? Ты ведь, участковый, не взыщи, но не семи пядей во лбу! Глаз на затылке не имеешь, руки всего две, штат махонький и без еремеевской сотни вообще — тьфу! — не стоишь ничего. Где ж тебе за всеми злоумышленниками уследить?! Вот на то мы и предназначены — бдить да докладывать! Ты рожу-то не криви, загляни в грамотку, там много чего интересного написано...

— Побьют ведь вас как-нибудь, Филимон Митрофанович...

— А и побьют, дак за правду и живота не жалко! — патетично объявил дьяк, ожидая похвалы, но мы уже пришли. Стрелецкий караул пропустил меня в царские палаты, а гражданину Груздеву дали от ворот поворот.

Доброхотный фискал-энтузиаст попытался что-то напутственно добавить вслед, но не решился. Сволочной человечиска, цены б ему не было в тридцать седьмом...

Горох ждал меня в маленькой комнатке за тронным залом. Обычно этот кабинет предназначался для его переменных пассий, но сейчас на низеньком узорчатом столике лежали... чертежи! Ей-богу, настоящие, добротные чертежи, не слишком соответствующие ГОСТу, но тем не менее вполне рабочие.

— Заходи, Никита Иванович. Рад видеть тебя живым-здоровым.

— И вам мое почтение, надежа-государь. Чем это вы тут развлекаетесь? Решили со скуки научно-техническую революцию устроить?

— Вот я те устрою! — шутливо буркнул Горох и ткнул пальцами в пересечение черных линий. — Ты ведь, участковый, у нас мужик образованный, вот глянь своим оперативным окном — дельная вещь али нет?

Я с некоторым снисхождением пустился перебирать желтоватые листы бумаги и... ахнул! Это были чертежи летательного аппарата! Наверное, удивление было так ясно написано на моем лице, что царь довольно расхохотался:

— Что, укузьмили сиза селезня за мягкое гузнышко?! Ты уж, Никита Иванович, совсем нас за людей темных держишь. Ан вон какую штуковину мои мастера впятером удумали — летучий корабль! Чтоб, значит, по поднебесью аки птаха божия парить! Смотри сюда, вот

корпус ладейный, вот крылья, парус опять же, оперение хвостовое, чтоб рулить сподручней было...

— Не полетит, — справившись с собой, авторитетно заявил я.

— Да почему же не полетит?

— По законам гравитации. Тут мотор мощный нужен, дизельное топливо, специальные приборы, совершенно другая конструкция и еще...

— Цыц! Я — царь, дай и мне слово вставить. Теперича вот сюда полюбуйся.

Государь достал из-под стола миниатюрную модель того же самого летающего фрегата и, показав мне, нажал на какой-то шпенек. Махонькие крылышки вздрогнули, затрепетали, рулевое перо выгнулось дугой, крылья замелькали с невероятной скоростью, и вдруг крохотное суденышко поднялось в воздух, сделало плавный круг над нашими головами и село точно на то же место, откуда только что взлетело! Если бы я не видел этого собственными глазами, то... Горох победно усмехнулся в усы, достал из шкафчика глиняную бутылочку и два стаканчика.

— Отметим такое дело?

— За рождение первой лукошкинской авиалинии! — прокашлялся я, крыть было нечем.

Сколько ни пытаюсь привыкнуть к чудесам, все равно есть вещи за порогом моего прагматического разумения. Мы проболтали не меньше часа, царю хотелось знать все о воз-

душном флоте, и я охотно рассказывал, что помнил о дельтапланах, планерах, дирижаблях, «кукурузниках», пассажирских лайнерах, истребителях и бомбардировщиках. Горох слушал очень внимательно, хотя, по его же признанию, намеревался использовать проект скорее в торговых, чем в военных целях. Однако не учитывать данный фактор было бы глупо — на летающем корабле вполне можно разместить десяток стрелков, дюжину отчаянных рубак, бочонки с зажигательной смесью и даже пушки. На прощание я посоветовал сунуть чертежи под хороший замок и к мастерам приставить охрану.

— Правильно, — кивнул государь, — другого совета от тебя и не ждал. Беру это дело под свою личную опеку. Все бумаги в сундук, сундук на замок и в место тайное, а ключ я вон на шее рядом с крестом православным ношу.

На том и расстались... Представьте себе мое удивление, когда через два дня Горох собственной персоной, весь в поту и в мыле, ввалился к нам в отделение. Чертежи летучего корабля — похитили! Царь скор на расправу и в этом деле почему-то быстро вывел виноватого — меня...

— Никитка, ограбили меня! Из самого те-рема царского, из ларца потаенного, из места скрытного чертежи секретные ровно дым по ветру развеялись! — бушевал государь, топая

ногами. В сенях толпились ближние бояре, у печки тихо прижупилась Баба Яга, храбрый Митяй залег под лавку, казалось, от грозового монаршего гнева попрятались даже тараканы. — Да что ж ты тут сидишь, дурилка милицейская?! Али не царь-государь перед тобой голос повышать изволит? За что я тебе, казны растратчику, жалованье плачу?!

— За поиск и поимку, но никак не за отсутствие краж вообще. Кражи, как таковые, были и будут, но если бы прислушивались к моим советам, то всерьез могли бы снизить их количество. И вообще, прекратите орать, гражданин! — Я привстал из-за стола и шагнул к обомлевшему Гороху. — Митя, подай государю табуреточку, бабушка, будьте добры, чего-нибудь успокоительного, и Еремеева ко мне.

Пока наш младший сотрудник на пару с главным экспертом приводили в чувство пришибленного царя, я высунулся в окно, предупредив начальника стрелецкой сотни о срочном перекрытии всех выходов из города. Фома Еремеев — мужик деятельный, не первый день на милицейской службе и лишних вопросов не задает. Если похитители еще не покинули Лукошкино, то через полчаса отсюда и мышь не выбежит.

— А теперь поговорим спокойно: что украли, где, кто обнаружил, кто имел доступ к ключам, кого подозреваете? Говорите не торопясь, я записываю.

— Твоя взяла, участковый... — Горох хряпнул особую настойку валерианы на меду и снизил тон. — Ну как ты себя ведешь? Ведь ровным счетом никакого уважения к сословию... Обращаешься, словно я тут горожанин обыкновенный, а я ить — царь! Как найдешь чертежи, запузырю тебя на каторгу.

— Вот спасибо, — поморщился я. — Служба есть служба, так что давайте без личных обид. Повторяю вопрос: что пропало?

— Чертежи...

— Конкретнее: какие, сколько, формат бумаги, примерный объем и вес?

— Летучего корабля, десять листов, квадраты по полусажени, в рулон свернуты, один человек легко унесет.

— Ну вот... совсем другое дело, — похвалил я. — Продолжим. Где они лежали?

— Да в сундучке же, а место говорить не буду, придешь ко мне в терем — там покажу.

— Кто обнаружил кражу?

— Я и обнаружил. Ткнулся сегодня поутру, а в сундучке-то и пусто.

— Знакомая ситуация... Вроде как в деле о перстне с хризопразом. Может, опять шамахань шалят?

— Навряд ли... Перстень, вот он, при себе ношу, куда оборотней проклятых не указывал.

— Ладно, перейдем к более важному... Кого подозреваете?

— Дык... никого... вроде, — призадумался царь. — Народу в тереме случайного нет, чужаки по палатам не шастают, послов да гостей тоже вроде не было...

— Давайте поставим вопрос иначе: кому это выгодно?

Вот тут Горох крепко почесал в затылке... Как я уже упоминал, человек он прогрессивный и далеко не глупый, сложить два и два сумеет без посторонней помощи и по пустякам паниковать не станет.

— Знаешь, Никита Иванович, а ведь сразу, с маху не ответишь тебе... Ну, прикидываю и так и эдак — да не выгодно никому! Корабль-то этот — штука мудрая, техническая, не всякому злодею по разумению будет. Шамаханцы, те более всего на чародейство черное надеются. Немцы, наоборот, наш ум своему равным не считают, для них наша техника — ровно забавка детская... Кто ж еще?

— Японцы... — раздумчиво предположил я. — Они со всего мира передовые технологии тащут. Радиоэлектроника, компьютерная техника, роботроника у них на уровне самых высоких стандартов.

— Японцы, говоришь? — насупился Горох. — Слышать слышал, а вот видеть не доводилось, нет их у нас в Лукошкине.

— Жаль...

— А точно они чертежи свистнули?

— Нет, нет... это я так, к слову. Ну что же, гражданин, ваше заявление принято, с

сегодняшнего дня начинаем работать по этому делу.

— А я?

— А вы, как говорится, идите домой да спать ложитесь — утро вечера мудренее. — Я пожал царю руку, недвусмысленно указывая на дверь.

— Эй-эй, участковый... так не пойдет! — заволновался государь. — Ты это... того... ты меня от дела не отстраняй, я тоже в раскрытии поучаствовать желаю!

— Но, гражданин...

— Велю голову отрубить! — клятвенно пообещал Горох, глядя на меня самым умоляющим взглядом.

— Ладно, давайте как всегда. Рутинную работу мы берем на себя, а как понадобится брать преступника — я вас вызову.

— Вот спасибо, Никита Иванович! Вот уж уважил царя-батюшку! Вовек твоей доброты не забуду... — Уже в дверях Горох обернулся и напомнил: — Чтоб к вечеру был у меня с докладом о ходе дела!

— Всенепременно.

Когда царский эскорт с помпой укатил по улице, я отошел от окна и попросил у Яги чаю. Бабуля молча поставила самовар и не дыша присела за стол напротив. Я раскрыл блокнот, тупо разглядывая давние записи...

— Организованной преступности у нас в Лукошкине нет. Список наиболее известных воров примерно установлен. Если исключить

карманников и конокрадов, то на подобное дело могли решиться человек десять. Бабушка, вы не слушаете!

— Че? Ой, не кричи так, Никитушка,— встряхнулась Баба Яга,— у меня аж сердце чуть не выскочило.

— Я говорю, что вы меня не слушаете. Вы же все время были здесь, почему молчите? Какое ваше мнение по поводу этой кражи?

— Ох, мила-а-ай...— Моя домохозяйка схватилась руками за голову, вытаращив глаза и покачиваясь из стороны в сторону.— Вгнишь ты меня в гроб на сто лет раньше времени... Кто ж тебя, аспида, учил так с царем разговаривать?! Ты ж на самого государя в голос орешь да кулаком по столу барабанишь... Совсем ума нет, что ли?

— Да будет вам...— даже смутился я.— Мы и не скандалили особенно... так, по делу.

— Дите! Чистое дите, не понимает, с кем говорит... А вот осерчает государь да как загонит все наше отделение к черту на кулички с глаз своих ясных, тогда попомнишь слова мои, грубиян ты невежественный! Да рази ж так надо посетителей принимать? Сюда люди идут с бедой, с горем, судьбой али лихими людьми обиженные, мы им помочь обязаны, а тут сам царь...

— Царь — тоже гражданин,— слабо огрызнулся я.

— Вот и то, что гражданин, а ты ему грубости в нос тычешь. Нехорошо, Никитушка... Ты ить при исполнении.

В общем, пришлось извиняться перед своим же сотрудником. После примиряющего чая было принято решение: в отделении не торчать, а до обеда прогуляться в царский терем. Стоило обследовать место преступления на предмет применения магии. Здесь это было делом самым обыкновенным... Баба Яга — незамеченный спец в таких исследованиях, на ее авторитет можно полагаться полностью. Двое еремеевских стрелцов оставались на охране у ворот, Митьки почему-то не было видно. Странно... Обычно он, при всей своей деятельности, без приказа — со двора ни ногой. Пожав плечами, мы с Ягой отправились к Гороху пешочком. Уже на соседней улице было отмечено массовое скопление народу. Лукошкинцы — люди социально активные, им хлеба не надо — зрелища подавай, а на Малой Базарной, похоже, именно такое зрелище и шло. Видимо, мы с Ягой подумали об одном и том же, поэтому молча, не сговариваясь, направились в ту же сторону. Уже на подходе было видно, какая пестрая толпа народу там собралась. Слышались смех, визг и громкие крики:

— Гляди, православные, как милиция честным людям руки за ноги крутит!

— Какие ж они люди, когда они — цыгане?! И не милиция энто, а Митька беспутный!

— Ой, ромалы-ы! Ой, убил! Совсем убил! Всю руку изломал, да где ж на свете белом справедливость?!

— А ты не суйся, не суйся... Митя наш — человек православный! Раз убивает, значит, есть за что. Ему небось сам участковый разрешил!

— Да, ох и крут порой наш сыскной воевода... По прошлом месяце-то едва ли не все армянское подворье извел! Так же вот Митьку свово, аки пса лютого, науськал... Те, кто выжил, по сей день от укусов чешутся!

— Ай, ромалы-ы! Совсем до смерти убил! Всю убил! Одна за всех муки принимаю! Одна, чавела, насквозь убитая лежу-у-у!

Когда мы пробрались в середину, бедного Митьки уже не было видно. Не знаю уж, чего он там натворил, но здорового парня со всех сторон так облепили беспрестанно вопящие цыганки, что он казался ярко наряженной новогодней елкой. Крикливые юбки резко контрастировали с коричневыми от крика лицами. Ругались одновременно все, причудливо мешая русский мат с диковинными проклятиями на неизвестных языках. Я протолкался к четверым дежурным стрельцам и приказал без разбирательств доставить всех в отделение. Молодцы надвинули шапки и взялись за простое дело. А я обратился к народу:

— Граждане! Концерт окончен. Попрошу расходиться по домам. Не сомневайтесь, милиция во всем разберется и виновные будут

наказаны! Желающих досмотреть представление до конца жду вечером у ворот отделения. Спасибо за внимание, на сегодня — все!

Как оказалось впоследствии, обещать такое нашему народу чревато... Ну, по крайней мере, неблагоприятно...

В царском тереме нас приняли настороженно. Видно, в запале Горох, как всегда, пообещал снести головы всем подряд. На самом деле он больше грозит, но все ему почему-то верят... Вот и сейчас: охранные стрельцы страшно хмурили брови, пытаюсь выглядеть еще суровее, бледные бояре испуганно крестили окладистые бороды, суматошные дьяки носились взад-вперед с приказами, а прислуга и прочая челядь вообще старательно пряталась по углам. Весь терем жил в предвкушении извержения вулкана, и мы шли по лестнице наверх, сопровождаемые самыми сочувственными взглядами. У дверей в государевы покои нас встретил столбовой боярин Кашкин, я хорошо его знал, в деле о перстне с хризопразом он руководил разоружением шамаханского каравана.

— Здрав буди, сыскной воевода!

— И вам мое почтение... Что у дверей толчетесь, ждете кого?

— Тебя и жду. Одного только... — Боярин многозначительно поглядел на Бабу Ягу, та поджала губки и по-утиному засемила к

дальнему окошку.— Пусть уж там подождет, не след ее седую голову под топор ставить. А ты иди, государь о тебе уже два раза спрашивал. Гневается...

— А... Ну тогда я пошел.

— Погодь... дай хоть обниму тебя на прощание, хороший ты был человек, Никита Иванович! — Седобородый Кашкин смахнул выступившую слезу, по-отчески троекратно облобызав меня в обе щеки.

Царские стрельцы у входа сняли шапки и молча перекрестились. Да, обстановочка тут и впрямь как на минном поле... Я снял фуражку, пригладил вихры и, отважно распахнув двери, шагнул внутрь. Это было похоже на отчаянный шаг дрессировщика в клетку изголодавшегося льва...

На небольшой кушеточке царь-государь в штанах и рубахе навывпуск вовсю обнимался с неизвестной мне особой женского пола. Завидев меня в форме и при исполнении, молодуха взвизгнула и, вырвавшись, с хохотом скрылась в смежном помещении. Судя по всему, там находилась спальня...

— Вежливые люди стучат, прежде чем войти,— попытался пристыдить меня красный от смущения Горох. Я возвел глаза к узорному потолку и философски присвистнул.— Ладно, проходи, садись, коли пришел. Могу рюмочку налить, вон полпряника на закуску осталось... Не хочешь?

— Нет.

— Ну и леший с тобой! Ему сам царь предлагает, а он рыло воротит. Доклад давай.

— Не торопите следствие,— наставительно поправил я.— Докладывать буду по мере продвижения дела, а у нас в нем пока сплошные дыры. Еремеева я предупредил, его молодцы прочесывают весь город и никого не выпускают за ворота. Но, скорее всего, вор залег на дно...

— Утоп, что ли, сердешный?

— Нет, это такое фигуральное выражение. Значит, хорошо спрятался и никак себя не проявляет. Так что нам придется проверить все известные «малины» и «хазы». Возможно, кто-нибудь из криминальной среды даст наводку. Такое преступление без соучастников бы не обошлось, а следовательно, информация где-нибудь да проявится.

— Дельно,— кивнул Горох.

— Но это лишь в том случае, если чертежи действительно куда-то запропали.

— Как это? Да ты на что ж это намекаешь-то, змий трехголовый?!

— На змия и намекаю! — я откровенно кивнул в сторону объемистого шкафчика, где Горох хранил свои «лечебные» настойки.— Чтобы начинать расследование уголовного дела, следователь должен лично убедиться в самом факте совершения преступления. А если вы тайное место перепутали? А если в сундук положить забыли? А если эти чертежи у вас вообще третий день под кроватью пылятся?

— Стража-а! — царь разобиженно взревел.— Сию же минуту казнить злодея за надсмехательство над государем!

Встревоженные стрельцы сунулись было в двери, но Горох вовремя передумал:

— Вон, охальники! Щас я ему, Фоме неверующему, нос-то утру, а уж потом и на плаху. Вон! Кому сказал?! Сам попозже позову... Никита?

— Да...

— Ну, че ты меня во гнев вгоняешь? Я же самодержец, мне по должности самодурствовать полагается. А ты искушаешь меня почему зря... Грех тебе!

— Виноват, исправлюсь.— Я встал со скамьи и потянулся.— Давайте не будем тратить времени, покажите-ка мне ваш сейф.

— Чего?!

— Сундук,— терпеливо поправился я.

Горох кивнул, отвел меня в красный угол, где под иконой Георгия Победоносца ярко горела праздничная лампадка, и попал босой пяткой на выступающий из половицы гвоздь. В полу беззвучно открылся люк, под моим наблюдением царь извлек оттуда средних размеров серебряный сундучок византийской работы и, нашарив под рубашкой ключ, в два поворота открыл замок. Внутри хранились секретные документы, договоры, грамоты, дипломатическая переписка и еще какие-то бумаги... Искомых чертежей на первый взгляд

не было. В качестве демонстрации надежда-сударь вывалил все содержимое на пол:

— Вот, сам гляди! Хоть все бумажки перерой, а таки нужных там нет.

— Проверим,— для порядку наклонился я, хотя профессиональное чутье подсказывало, что чертежей там действительно нет. Однако первым же документом, попавшимся мне на глаза, оказался... секретный план внутреннего устройства лукошкинских оборонительных башен! Договор с поляками о сдерживании германских амбиций, договор с немцами о строительстве крепостей против турок, договор с турками о неприменении вольнонаемных казачьих войск и, наконец, договор с теми же казаками о строгом ограничении appetитов Речи Посполитой в приднепровских ничейных территориях. Как вы понимаете, это далеко не все. Не вдаваясь в дебри политики и личных писем, я тем не менее сделал важную пометку в блокноте.

В этот момент в соседней комнате скрипнула кровать, Горох поймал мой вопросительный взгляд и нехотя буркнул:

— Ксюха это... девка дворовая, дочка дворника нашего. То ли третья, то ли пятая, он и сам не упомнит. Помогает тут в тереме, где со стола прибрать, где пол помыть, где мусор вынести...

— Ну и?

— Чего?

— Продолжайте, продолжайте, вы же прекрасно понимаете, что я имею в виду!

— Я понимаю? Ничего я не понимаю! — снова раскраснелся государь. — Ты, участковый, во все щели нос не суй, не ровен час, каблуком отдавят... Иди вон воров ловить, а моя личная жизнь тебе без надобности!

— Совершенно верно, — серьезно согласился я, — мои дела уголовные, так что полицию нравов изображать не буду. Но вот девица эта, Ксения...

— Ой, да будто я у ней всю фамилию выпытывал!

— Ладно, сам уточню у дворника... Так вот, она никогда не спрашивала вас о чертежах летучего корабля?

— Тьфу! Да типун тебе на язык, сысской воевода! — Горох отобрал у меня сундук и начал лихорадочно запихивать туда высыпанные бумаги. — Ну нечто у меня совсем головы нет — бабе секретные документы под одеялом раскладывать! Ты все ж таки думай, что говоришь...

Уложив сундучок на место и возвратив полам первожданную целостность, государь суховато попрощался со мной, проводив до двери:

— Прощевай, сысской воевода. Доклады жду каждый день, не исполнишь дела — сам понимаешь... Не наказать не смогу. Хоть и прежние заслуги помню, а тока я — царь, мне иначе нельзя! Либо чертежи на стол, либо валить тебе лес на каторге, выбирай...

— Мы постараемся... — ровно пообещал я.

Горох встал перед дверью, прислушался и поманил меня пальцем:

— Сейчас я орать начну, ногами топать, а как знак дам, так ты отсель без оглядки беги. Мне еще до вечера надо... ну, погневаться... чтоб не беспокоили.

Я кивнул, в принципе все возможное он мне показал, пара версий на уме есть, попробуем их разрабатывать. Вот только на предмет магии мы не...

— Убью! Запору!! Обезглавлю!!! Где тут сабля моя острая? Где копьё долгомерное? Своими руками на куски изрублю и курам выброшу! И не моли меня о пощаде... Все! Все, участковый, пришла твоя смерть безвременна-а-я!!!

Я напружинил ноги и приготовился к низкому старту, Горох уже поднял руку вверх, и тут...

— Никитушка! Держись, милай, иду-у-у! — Двери вынесло вместе с бедными стрельцами. Грозная, как цунами, Баба Яга бодро шагнула в царские покои мне на выручку! Прыгнув вперед, я закрыл спиной обомлевшего государя... Глаза Яги отсвечивали красным.

— Бабуля, бабуля, все в порядке! Никаких проблем, мы мирно побеседовали.

— Да неужто? — недоверчиво сощурилась моя хозяйка. — Ты не врешь ли мне, Никита? Я ить сама, своими ушами слышала, как тебя здесь смерти лютой предают...

— Э... шутка! — выдавил царь Горох, осторожно высовываясь из-за моей спины. — Чтой-то вы, бабушка, сегодня шуток не понимаете?

Переглянувшись, мы все облегченно выдохнули.

— Раз уж такое дело, давайте поставим дверь на место и все-таки просканируем сундучок на предмет использования магии. Возражений нет? Прошу эксперта пройти вот в этот угол... приступайте.

Домой было решено прогуляться пешочком. Горох предлагал карету и эскорт, но мы отказались. Кое-какие вопросы следовало обсудить на свежем воздухе, без лишних свидетелей, поэтому пошли мы не напрямик, а обходной дорожкой, вдоль речушки со странным названием Пучай. Я выкладывал свое мнение первым.

— Факт исчезновения чертежей приходится признать. Не уверен, что там имела место именно кража, царь все-таки мог их куда-нибудь засунуть и забыть, но пока давайте разработаем версию предполагаемой кражи. Итак, основной вопрос во всех подобных случаях: зачем?

— Да мало ли... — вздохнула Яга. — Может, какому жулью в небе полетать захотелось?

— Обычный вор найдет, что взять из царского терема и кроме чертежей. Не доросли у вас тут еще, чтобы ценную техническую информацию воровать. Тогда встает вопрос о возможном заказчике...

— Так ведь, Никитушка, царь же говорил вроде, что не выгодно это никому.

— Это по его мнению — невыгодно, а кое-кто считает иначе. И кое-кому эти чертежи нужны просто до зарезу. Я мельком поглядел, что лежит в гороховском тайнике, там та-а-кие секретные документы... Да разведки всех соседних держав заплатили бы сумасшедшие деньги за возможность их перефотографировать! Но ничего из этого не пропало... Вора, если он, конечно, есть, интересовали исключительно чертежи летучего корабля. А что показала экспертиза?

— Обнюхала я все, что могла... — по-простому объяснила бабка. — Колдовства черного не было. Видать, так, по-простому взяли. Замочек без всяких заклинаний, ключом открыли, но кража все ж таки была! Запах от сундучка шел... женский.

— А, ну это не доказательство. Там, как в доме свиданий, все этими ароматами пропахло.

— Не то, Никитушка, — досадливо поморщилась Яга. — Уж чем там царь-государь занимается — его забота, и не нам о том судить. Но запах был... чужой какой-то, не наш, не лукошкинский.

— Хм... отрабатывать версии о всех девицах Гороха будет очень непросто, — призадумался я.

— Так всех и не надо, нам тока бы за последние две неделечки порасспросить.

— Хорошо, бросим на это дело Митьку, его девки любят, он у них за семечками все и разведает.

— А мы с тобой чем руки займем?

— А мы попробуем выяснить, какие из иностранных посольств в стенах столицы ведут сейчас самую активную деятельность и не связаны ли они каким-то образом с представителями местного криминального мира...

— Думаешь среди послов заморских заказчика тайного отыскать?

— По крайней мере, стоит попробовать. Что мы теряем?

Баба Яга согласно кивнула. Терять нам пока действительно нечего. Это в прошлый раз нам даже опомниться не дали, устраивая одно покушение за другим. А сейчас мы мирно гуляли вдоль реки, наслаждаясь последними теплыми денечками. Дело о краже чертежей началось как-то лениво и буднично, казалось, что и само расследование соответственно будет спокойным и неторопливым, без особенных эксцессов... Ну все почти так и было, почти...

Крики, песни, смех и музыку мы слышали задолго до того, как свернули к отделению. У наших ворот толпилась куча народу, многие висели на заборе, и все шумно обсуждали все, что происходило внутри. А там, судя по всему, стоял дым коромыслом!

— Че вытворяют, че вытворяют-то, а?! Вот гульба так гульба-а... Отродясь такой срамоты не видели!

— Бабоньки, а моего там не видать? Как ушел с утра за поллитрой в честь крещения, так до сих пор и нет кровопийцы...

— Ох и лихо цыгане пляшут! Бедовый народ! А бабы ихние как юбками трясут, ажно все поджилочки ходуном ходют... А вон, вон одна плечи заголяет!

— Постыдился бы, дедуля! В твои-то годы на заборе сидеть...

— Бабоньки, а моего-то там точно нет?! Он ить, супостат, как примет, так по цыганкам и шарит. Говорит, песни про любовь у них дюже жалостливые... Ну, он придет, я ему сама спою!

— Глянь, православные, как стрельцы пошли... От ить головушки забубенные, и споют, и спляшут, и службу милицейскую справить не постесняются!

— А в центре-то кто?! В бабьем сарафане, сам с каланчу, частушки орет да лаптями грязными во все стороны шарит? Видать, деревенский... городские такую похабщину не поют... Ох и складно выводит, стервец, аж сердце радуется!

Пока мы с Бабой Ягой деликатно проталкивались к воротам, меня догнал сумрачный Еремеев. Видимо, слухи о несанкционированной дискотеке на территории милицейского отделения распространились по городу быстро.

— А куда ж это сыскной воевода спешит?

— Ругаться, видать, что без него начали! Наш Никита Иванович — человек строгий, но справедливый. Вот глянь, щас все песни кончатся, одни крики пойдут, как он все отделение зараз пороть начнет!